

УДК 339.542.22:63

Г. М. ЛЫЧ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА:
НУЖНЫ РАДИКАЛЬНЫЕ КОРРЕКТИВЫ**

Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси

(Поступила в редакцию 15.03.2011)

В последние годы произошло значительное увеличение государственной поддержки сельского хозяйства. Только за пять лет (с 2004 по 2009 г.) она увеличилась почти в три раза (от 1939 до 5665 млрд руб.). Аграрии, с одной стороны, должны быть довольны этому, воспринимая все возрастающую поддержку государства как безусловное признание большой общественной значимости своего труда, а с другой – не могут не ощущать свою ущербность, понимая, что сами они не в состоянии справиться со своими прямыми обязанностями. И в самом деле, начиная с 2003 г. централизованная государственная поддержка сельского хозяйства неизменно превышала создаваемый в отрасли валовой доход. Таким образом, выходит, что сельскохозяйственные организации в большей своей части сегодня способны лишь возмещать понесенные ими материальные затраты на производство продукции. Фонд же заработной платы и прибыль, образующие валовой доход, полностью формируются у них за счет государственной финансовой поддержки.

Такое положение, конечно же, нельзя признать нормальным. Особенно с учетом того, что сельское хозяйство является базовой отраслью национальной экономики и по своему определению не может быть убыточным. Таковым его сделала макроэкономическая политика, дискриминационная по отношению к аграрной сфере, и прежде всего пресловутые «ножницы цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, с помощью которых из аграрной отрасли откачиваются столь огромные суммы средств, что она оказывается не в состоянии без помощи государства обеспечить даже простое воспроизводство, не говоря уже о расширенном.

На наш взгляд, нынешняя макроэкономическая политика в части, касающейся аграрной сферы, проводится в нашей стране сегодня скорее в порядке копирования соответствующей политики советских времен, нежели исходя из осознания ее целесообразности. Как известно, на протяжении всей истории Советского Союза сельское хозяйство неизменно выступало донором для промышленности и других сфер народного хозяйства, которые были признаны более приоритетными. В значительной мере за счет средств, откачиваемых из аграрной сферы, в том числе с помощью «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, в предвоенные годы осуществлялась ускоренная индустриализация народного хозяйства, а после войны – восстановление разрушенных немецко-фашистскими захватчиками заводов и фабрик, городов и промышленных центров. И во все последующие годы советское руководство так же, особенно не задумываясь, в больших размерах черпало из сельского хозяйства необходимые средства для реализации своих грандиозных планов по всемерному наращиванию экономической и военной мощи союзного государства. И только когда вконец обескровленное сельское хозяйство начинало давать все более ощутимые сбои, создавая все большие угрозы продовольственному обеспечению страны, предпринимались меры по финансово-экономическому оздоровлению колхозов и совхозов. Но стоило им обзавестись более-менее значительными доходами от реализации своей продукции, как начиналась новая волна их массивной откачки для все новых государственных нужд [1, 2].

К такой аграрной политике все настолько привыкли, что многим казалось, будто иной она просто не может быть. И, надо думать, именно поэтому она так успешно, не претерпев особых

изменений, перекочевала из централизованно планируемой в переходную экономику. По сути, изменились лишь формы и периодичность государственной поддержки сельского хозяйства, но экономическая сущность и целевая направленность этой поддержки – возврат аграрной сфере части чрезмерно изъятых из нее доходов – остались прежними. Что касается, в частности, изменения периодичности оказания государственной поддержки сельскому хозяйству, а точнее превращения ее из периодической в систематическую, постоянную, то это, по нашему мнению, произошло главным образом потому, что откачка денег из аграрной сферы превысила всякие допустимые пределы, вследствие чего сельскохозяйственные организации в большей своей части стали неспособны самостоятельно, без посторонней помощи, обеспечивать даже простое воспроизводство. Оставить указанные организации один на один со своими финансово-экономическими проблемами при таких условиях означало бы ни что иное, как поставить под угрозу продовольственную безопасность страны, на что, разумеется, не может пойти ни одно правительство.

Однако как бы мы не привыкли к нынешней аграрной политике, это не может служить основанием считать ее единственно правильной, не нуждающейся в совершенствовании. Тем более что ее применение на протяжении многих последних лет так и не принесло желаемых результатов, и сельское хозяйство как было, так и остается одной из самых «болевых точек» национальной экономики, о чем недвусмысленно свидетельствуют, в частности, показатели экономической эффективности сельскохозяйственного производства.

По данным сводных годовых отчетов Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, уровень рентабельности реализованной продукции с 1990 по 1995 г. снизился аж на 28,7 п. п. (с 46,4 до 17,7%), а в 2000 и 2001 гг. вообще сменил знак «плюс» на «минус». И только благодаря более резкому (относительно индекса цен на промышленную продукцию и услуги, потребляемые сельскохозяйственными организациями) повышению закупочных цен на сельскохозяйственные товары, осуществленному в 2002 г., с 2004 г. удалось вновь выйти на положительное значение показателя рентабельности. Однако ее средний уровень до настоящего времени остается недопустимо низким, на порядок, а то и больше уступая нормативному.

В результате начиная с 2005 г. по сей день показатели наличия собственных оборотных средств, а следовательно, и коэффициент обеспеченности ими в целом по всем сельскохозяйственным организациям имеют отрицательное значение, при этом дефицит собственных оборотных средств демонстрирует четко выраженную тенденцию роста.

Одновременно неумолимо возрастает кредиторская, а вместе с ней и задолженность по кредитам и займам. По состоянию на 1 января 2010 г. помимо 8824 млрд руб. кредиторской задолженности сельскохозяйственные организации имели еще 11399 млрд руб. задолженности по кредитам и займам, в том числе просроченной – 2052,8 млрд руб. Последняя в 78 раз превысила общую сумму прибыли, полученную ими в 2009 г. от реализации всей продукции растениеводства и животноводства [3].

При таком финансовом положении сельскохозяйственные организации не в состоянии даже думать о своем будущем, не говоря уже о том, чтобы ставить перед собой задачу перехода на инновационный путь развития, чем сегодня должны быть озабочены все хозяйствующие субъекты. Все их помыслы сводятся только к одному – как им выжить, не оставив поля незасеянными, а животных – ненакормленными.

Хуже всего, что, умножая нынешние трудности, проводимая до последнего времени аграрная политика одновременно создает предпосылки для появления в будущем новых причин, способных серьезно затормозить дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства. Среди них прежде всего следует отметить предпосылки нравственного плана, связанные с появлением и все более широким распространением среди работников сельского хозяйства чувства собственной неполноценности. Последнее, как нам представляется, неизбежно в условиях, когда сельскохозяйственные организации без государственной поддержки оказываются практически не в состоянии успешно провести даже посевную и уборочную кампании.

Чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, унижающего человеческое достоинство, многие не лишённые его молодые сельские жители стремятся навсегда уехать из села, чтобы по-

пытаться найти своему труду лучшее приложение в какой-либо иной сфере общественной жизнедеятельности. Те же из них, кто все же предпочел остаться в деревне, со временем все больше превращаются в пассивных работников, не способных к проявлению какой бы то ни было инициативы.

У некоторых руководителей хозяйств это вызывает появление иждивенческих настроений. Всякий раз, когда у них возникают трудности с выполнением стоящих перед ними производственно-хозяйственных задач, они сразу же обращаются за помощью к государственным органам управления, ответственным за развитие сельского хозяйства, вместо того чтобы искать внутренние резервы и возможности для их преодоления.

Вряд ли нужно доказывать, что как первое, так и второе нравственные следствия чрезмерной государственной поддержки сельского хозяйства отрицательно сказываются на развитии аграрной экономики. Первое лишает ее социально наиболее активных работников, а второе ведет к снижению результативности труда тех работников, которые продолжают оставаться в аграрной сфере. И то, и другое в конечном счете обуславливает снижение темпов развития и уровня экономической эффективности сельскохозяйственного производства. Особенно пагубными они могут оказаться на этапе перехода сельского хозяйства и всего агропромышленного комплекса на инновационный путь развития, когда роль творческих социально активных работников и обеспечение наиболее полного использования их новаторского, созидательного потенциала приобретает первостепенное значение.

Не меньший вред дальнейшему развитию сельского хозяйства может причинить и отлучение его работников от рачительного использования каждой копейки, которое неизбежно при массивной государственной поддержке сельского хозяйства в том виде, в каком она сегодня оказывается. Ведь ни для кого не секрет: деньги, полученные в порядке оказания помощи, никогда так не ценятся, как деньги, заработанные собственным трудом. Потому и расходуют их обычно не с такой осмотрительностью и расчетливостью, как собственные. Ко всему, использование средств, предоставляемых сельскому хозяйству в порядке оказания ему централизованной государственной поддержки, в большинстве случаев настолько регламентировано государством, что даже если бы тот или иной руководитель сельскохозяйственной организации и озаботился их рациональным использованием, то реально он мало что смог бы сделать в данном направлении.

Например, деньги, выделяемые из Республиканского фонда поддержки производителей сельскохозяйственной продукции, продовольствия и аграрной науки на закупку минеральных удобрений и средств защиты растений, поступают на расчетные счета не сельскохозяйственных организаций, а поставщиков этих удобрений и средств защиты. В результате сельскохозяйственные организации, которым предназначаются указанные деньги в качестве финансовой помощи, оказываются напрочь лишены всякой возможности повлиять на эффективность их использования. По сути, им остается только одно – получить от поставщиков минеральные удобрения и средства защиты растений, которые те готовы поставить им на общую сумму денег, выделенных каждой из сельскохозяйственных организаций на эти цели, при том в таком ассортименте и в такие сроки, в какие опять-таки решит поставщик, исходя из своих возможностей, а не из потребностей сельскохозяйственных организаций. Единственное, что реально могут сделать в таких условиях последние для достижения должной эффективности использования финансовых ресурсов, выделяемых государством на закупку минеральных удобрений и средств защиты растений, – обеспечить их своевременное и агротехнически правильное применение при возделывании сельскохозяйственных культур. Но и это на практике делается далеко не всегда, причем по вине не только поставщика, нарушившего установленные сроки поставки минеральных удобрений и средств защиты растений, но и самих сельскохозяйственных организаций, которые нередко не располагают необходимыми для этого производственными возможностями. Порой высокоэффективному использованию сельскохозяйственными организациями минеральных удобрений и средств защиты растений, поступивших им в порядке оказания государственной помощи, мешает также отношение к ним как к даровому благу, не заработанному собственным трудом, которое при необходимости можно пополнить опять-таки без особых затрат собственных усилий.

Примерно так происходит и по многим другим направлениям оказания государственной финансовой поддержки сельскому хозяйству, включая те из них, которые предусматривают создание основных фондов сельскохозяйственного назначения долговременного пользования, в частности, ассигнования из республиканского и местных бюджетов на капитальное строительство, приобретение сельскохозяйственной техники, техническую и технологическую модернизацию сельскохозяйственных и обслуживающих их организаций. В указанных случаях неэффективное использование финансовых ресурсов, выделяемых из государственной казны для поддержки сельского хозяйства, помимо всего прочего, выражается также в неоправданном удорожании капитального строительства и в приобретении далеко не самой технически совершенной на данный момент и экономичной сельскохозяйственной техники. Все это в последующем тяжелым бременем кладется на себестоимость продукции растениеводства и животноводства, а следовательно, и на рентабельность ее производства.

Созданию указанных условий способствует и то, что сельскохозяйственные организации, больше других заинтересованные в рачительном использовании ассигнований, выделяемых из государственной казны на финансовую поддержку аграрной сферы, фактически полностью лишены какого бы то ни было права голоса при решении вопросов распределения указанных ассигнований по территории и хозяйствующим субъектам агропромышленного комплекса.

Все вышеизложенное позволяет с полным основанием заключить, что со стратегической точки зрения государственная поддержка сельского хозяйства в том виде, в котором она ныне осуществляется, экономически не оправдана. О ее целесообразности можно говорить лишь исходя из чисто тактических соображений, рассматривая ее в качестве действительно необходимой меры, позволяющей сельскохозяйственным организациям более-менее успешно провести посевную и уборочную кампании, от которых в решающей мере зависит выполнение аграрной отраслью своей главной миссии – обеспечение продовольственной безопасности страны. Но, как известно, одними только тактическими соображениями нельзя оправдать проводимую аграрную политику. В основе обоснования ее целесообразности должны быть положены прежде всего стратегические соображения.

Кстати, для производителей и поставщиков сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений и других средств и предметов труда для нужд аграрной сферы нынешняя государственная поддержка сельского хозяйства опять-таки выгодна только по тактическим, но отнюдь не по стратегическим соображениям. Она позволяет им особенно не напрягаться для того, чтобы обеспечивать выпуск конкурентоспособной продукции, и помогает быстрее освободиться от уже произведенной продукции, в том числе низкого качества, причем на выгодных для них условиях. Однако и то, и другое приучает производителей и поставщиков производственных ресурсов сельскохозяйственного назначения работать с прохладцей, и со временем они все больше теряют способность работать с полным напряжением физических и духовных сил, обрекая себя на постоянное балансирование на грани выживания.

Продолжая рассмотрение недостатков нынешней массивированной государственной поддержки агропромышленного комплекса, следует указать и на те дополнительные серьезные трудности, которые по ее вине непременно возникнут при вступлении Республики Беларусь во Всемирную торговую организацию. Речь идет о достаточно высоком уровне государственной поддержки сельского хозяйства и превалировании в ней мер, относимых к так называемой «желтой корзине», по которой ВТО установлены наиболее жесткие ограничения. По расчетам, выполненным в Институте системных исследований в АПК НАН Беларуси, в среднем за 2007–2009 гг. доля мер, отнесенных к упомянутой корзине, в общем объеме финансовой поддержки государством национального агропромышленного комплекса достигла 91,8%. Львиную долю их составили компенсации затрат на приобретение энергоресурсов, минеральных удобрений, семян, комбикормов и средств защиты растений, а также на ремонт и приобретение техники, в том числе по лизингу, т. е. те мероприятия, которые больше других подпадают под ограничения Всемирной торговой организации. Уступив ее жестким требованиям по резкому ограничению объемов финансирования поименованных мероприятий из государственной казны, белорусское правительство может поставить своих сельхозтоваропроизводителей в безвыходное положение, при котором они могут оказаться просто не в состоянии справиться со своими производственно-хозяйственными задача-

ми. Тем самым будет поставлено под сомнение и обеспечение продовольственной безопасности страны. К слову, определенные проблемы на этот счет возникли у белорусского правительства уже во время переговоров с правительствами Российской Федерации и Казахстана по Таможенному союзу, потребовавшими от белорусской стороны значительного снижения уровня государственной поддержки своих сельхозтоваропроизводителей с целью создания равных условий для субъектов агропродовольственного рынка Таможенного союза всех трех стран.

В связи с этим хотелось бы заметить, что одно только выравнивание уровней государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей еще не решает проблемы создания равных условий для всех субъектов общего агропродовольственного рынка. И не только потому, что в Беларуси, России и Казахстане существенно разные почвенно-климатические и другие природные условия ведения сельского хозяйства. Не менее важное значение для этого имеют и реально сложившиеся различия в размерах изъятия доходов из аграрной сферы. А они, судя по соотношению цен в Беларуси и России на основные продукты растениеводства и животноводства и на промышленную продукцию и услуги, потребляемые сельхозтоваропроизводителями, могут быть весьма существенными.

Так, по состоянию на октябрь 2008 г. закупочная цена на продовольственную пшеницу третьего класса в Беларуси была ниже, чем в России, на 2%, фуражную пшеницу – 24, рожь продовольственную – 20, картофель – 33, мясо крупного рогатого скота средней упитанности – 16, свинину второй категории – 9, молоко – 14 и яйца птицы – на 10%. В то же время отпускные цены для сельхозпроизводителей на газ в Беларуси были выше, чем в России, на 83%, бензин Н-80 – 27, дизельное топливо – 13, электроэнергию – 9 и аммиачную селитру – на 15%. Из одиннадцати рассматриваемых видов продукции растениеводства и животноводства закупочные цены в Беларуси были выше, чем в России, только по пивоваренному ячменю и мясу птицы, а из шести видов промышленной продукции, поставляемой сельскому хозяйству, отпускные цены в Беларуси были ниже, чем в России, только в целом по всем видам минеральных удобрений (НПК), причем за счет производимых в нашей стране калийных туков.

Приведенные выше соотношения закупочных и отпускных цен говорят о том, что изъятие из аграрной сферы доходов с помощью «ножниц цен» в расчете на равновеликий объем сельскохозяйственного производства в Беларуси происходит в значительно большем размере, нежели в России. При таких условиях уменьшить государственную поддержку белорусских сельхозтоваропроизводителей до размера, получаемого их российскими конкурентами, означало бы поставить их в худшие экономические условия, способные существенно подорвать их конкурентоспособность на общем агропродовольственном рынке Таможенного союза со всеми вытекающими отсюда крайне нежелательными последствиями.

Обосновать с необходимой точностью уровень государственной поддержки отечественных сельхозтоваропроизводителей, компенсирующий реально сложившиеся различия между странами в степени изъятия из аграрной сферы доходов, – задача весьма сложная. Даже в том самом простом случае, когда речь идет о создании равных экономических условий для субъектов общего рынка сельскохозяйственных и продовольственных товаров всего лишь двух-трех стран, например, Беларуси, России и Казахстана, образовавших Таможенный союз. Будучи же распространенной на все множество стран, образующих Всемирную торговую организацию, эта задача становится и вовсе практически не решаемой. Поэтому при сохранении нынешнего огромного диспаритета цен на промышленные и сельскохозяйственные товары и обусловленной им чрезмерной государственной поддержки сельского хозяйства белорусское правительство во время переговоров всегда будет иметь трудно разрешимые проблемы с обеспечением отечественным сельхозтоваропроизводителям равных с зарубежными конкурентами экономических условий на мировом агропродовольственном рынке, что, как уже было отмечено ранее, для многих из них может грозить потерей конкурентоспособности.

Создавая серьезные проблемы в развитии аграрной экономики, нынешняя аграрная политика в то же время далеко не безупречна и с точки зрения материальной поддержки малоимущих слоев населения, во имя чего она якобы только и проводится. Ведь никто не станет отрицать, что заниженные розничные цены на продовольственные и другие потребительские товары сельско-

хозяйственного происхождения во благо не только бедным, но и богатым. Поскольку же богатые потребляют указанных товаров больше, чем бедные, то, следовательно, и общая величина их экономической выгоды от занижения розничных цен также больше. Другое дело, что в общей сумме доходов, получаемых богатыми, экономическая выгода от занижения розничных цен на товары сельскохозяйственного происхождения составляет столь незначительную долю, что они ее даже не замечают, между тем как бедные при их теперешних доходах без нее были бы обречены на полуголодное существование.

Так что с какой стороны не подойти к оценке нынешней аграрной политики, вывод напрашивается один: она нуждается в серьезных коррективах. При этом, исходя из ранее изложенного, в основу ее совершенствования должно быть положено обеспечение эквивалентного товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью посредством строгого соблюдения паритета цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Данная мера позволит устранить многие причины, которые в настоящее время тормозят развитие сельскохозяйственного и всего агропромышленного производства [4, 5].

Поскольку введение паритета цен на промышленные и сельскохозяйственные товары на практике выльется в повышение закупочных цен на все основные продукты растениеводства и животноводства, то это прежде всего непременно приведет к повышению уровня рентабельности их производства. Соответственно, возрастут и доходы сельхозпроизводителей от реализации своей продукции, в связи с чем уменьшится их потребность в банковских кредитах и других заемных средствах, а значит отпадет необходимость и в больших расходах, связанных с их возвратом и уплатой процентов. Последнее явится дополнительным фактором снижения себестоимости и повышения рентабельности производства продукции растениеводства и животноводства. Все это вместе взятое позволит создать необходимые условия для перевода сельскохозяйственных организаций на самоокупаемость и самофинансирование и существенного повышения их конкурентоспособности на мировом агропродовольственном рынке.

Одновременно будут устранены две весьма важные причины, сдерживающие инновационное развитие сельского хозяйства: острейший хронический дефицит инновационно-инвестиционных ресурсов и заниженный уровень оплаты труда работников сельского хозяйства. Правда, о второй причине, в отличие от первой, до последнего времени упоминается крайне редко. Но это, на наш взгляд, только лишь потому, что ее негативное влияние на инновационное развитие аграрной экономики сегодня не столь очевидно и значимо. Со временем же оно может стать определяющим.

Основанием для данного утверждения могут служить следующие два обстоятельства. Во-первых, по мере повышения технико-технологического уровня производства каждое последующее нововведение, как правило, требует все более квалифицированных и творчески мыслящих кадров. Обеспечение же ими сельскохозяйственных организаций при заниженном уровне оплаты труда практически невозможно.

Во-вторых, в условиях рынка (а рано и поздно наши сельскохозяйственные организации будут вынуждены перейти на подлинные рыночные отношения) достижения науки и техники, связанные с осуществлением капитальных вложений, внедряются в производство только в тех случаях, когда они в нормативные сроки окупаются экономией на текущих затратах, значительную долю которой обычно составляет экономия на заработной плате высвобождаемых из производства работников. Отсюда следует: чем в большей мере занижена заработная плата, тем меньше экономия на ней, а следовательно, и вероятность принятия положительного решения о внедрении в производство того или иного нововведения, требующего осуществления капитальных вложений. Поскольку капиталоемкость инноваций характеризуется тенденцией к ее повышению, то есть все основания полагать, что со временем негативное влияние данной причины на инновационное развитие аграрной экономики будет только возрастать.

Устойчивое повышение рентабельности сельскохозяйственного производства на основе более широкого использования инноваций и адекватное ему увеличение доходов сельхозтоваропроизводителей послужит основанием для последовательного существенного сокращения размеров государственной поддержки сельского хозяйства. Естественно, речь идет о сокращении госбюджетных ассигнований только на меры, относящиеся к «желтой корзине», по отношению

к которым Всемирная торговая организация предъявляет особенно жесткие требования к странам, претендующим на вступление в названную организацию. Что же касается мер, относимых к «зеленой корзине», которые не оказывают прямого воздействия на объемы и себестоимость производимой сельскохозяйственной продукции, от чего в решающей мере зависит рыночная конъюнктура (а это прежде всего меры по повышению почвенного плодородия, землеустройству, оздоровлению окружающей природной среды, строительству в сельской местности дорог, жилья, объектов здравоохранения, школ, развитию аграрной науки и т. п.), то ассигнования из централизованных государственных фондов на их проведение при наличии малейшей возможности для этого должны всемерно увеличиваться.

В результате станет возможным превращение сельскохозяйственных организаций в подлинные коммерческие структуры, несущие полную экономическую ответственность за конечные результаты своей производственно-хозяйственной деятельности. Тем самым отечественные сельхозтоваропроизводители будут подготовлены к переходу на подлинные рыночные отношения, а следовательно, и к более активному включению в мирохозяйственные связи, которые, как известно, также базируются на этих отношениях.

Ведь ни для кого не секрет: в условиях, когда сельскохозяйственные организации за счет денежной выручки, получаемой от реализации товарной продукции растениеводства и животноводства, в состоянии возмещать лишь понесенные на ее производство материальные затраты и не могут ни сформировать фонд оплаты труда, ни иметь прибыли, и речи быть не может о подлинных рыночных отношениях, равно как и об их активном интеграционном взаимодействии с зарубежными партнерами, неизменно придерживающимися в своей производственно-хозяйственной деятельности рыночных принципов. При таких условиях предприятия и организации отечественного сельского хозяйства и всего агропромышленного комплекса обречены на самоизоляцию от создаваемых в глобальном масштабе инновационных и производственно-сбытовых сетей, предопределяющих на современном этапе развитие всего мирового научно-технологического прогресса, в том числе в аграрной сфере.

Претерпев указанное кардинальное превращение, сельскохозяйственные организации, естественно, потребуют более эффективной работы и со стороны своих экономических контрагентов, в частности поставки последними таких производственных ресурсов, в таком ассортименте и в такие сроки, как это им нужно, и вдобавок по взаимовыгодным ценам. Тем самым сельскохозяйственные организации будут содействовать повышению эффективности работы первой сферы агропромышленного комплекса, изготавливающей для нужд аграрной отрасли средства и предметы труда, а также осуществляющей ее материально-техническое снабжение и производственно-техническое обслуживание. Наконец, что также далеко не маловажно, сокращение размеров государственной поддержки сельского хозяйства по линии мер, относимых к «желтой корзине», существенно облегчит задачу белорусского правительства по обеспечению отечественным сельхозтоваропроизводителям равных с их зарубежными конкурентами экономических условий позиционирования на мировом агропродовольственном рынке при проведении межгосударственных переговоров по вопросам торговли продовольственными и сельскохозяйственными товарами.

Указывая на положительные стороны вносимого предложения по обеспечению эквивалентного товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью, было бы неправильно не отметить и те трудности, которые может породить его практическая реализация. Основным возражением на него, надо полагать, будет сомнение: сможет ли государственный бюджет выдержать ту дополнительную нагрузку, которая неизбежно падет на него при повышении закупочных цен на продукцию растениеводства и животноводства с целью обеспечения эквивалентного товарообмена между аграрной и промышленной сферами. Ведь государству в таком случае непременно придется увеличить свои расходы на закупку для своих нужд продовольственных и других продуктов сельскохозяйственного происхождения, а также на компенсацию потерь потребителей, обусловленных повышением розничных цен на данные товары.

На это возражение можно ответить таким образом. Во-первых, государству вовсе не обязательно брать на себя компенсацию потерь от повышения розничных цен на продовольственные и потре-

бительские товары сельскохозяйственного происхождения всем их покупателям. Оно вполне может ограничиться поддержкой только малоимущих слоев населения и низкооплачиваемых работников бюджетной сферы с тем, чтобы те не лишились доступа по финансовым причинам к жизненно важным продуктам питания и другим товарам повседневного спроса и не стали из-за этого в массовом порядке открыто протестовать, дестабилизируя общественно-политическую ситуацию. Во-вторых, для покрытия дополнительных расходов, связанных с закупкой для своих нужд сельскохозяйственной продукции по повышенным закупочным ценам и с компенсацией потерь указанных выше наименее обеспеченных слоев населения, вызванных повышением розничных цен на потребительские товары сельскохозяйственного происхождения, государство может использовать экономию средств, полученную благодаря сокращению объемов государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей. В-третьих, обеспечение эквивалентного товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью, как уже было отмечено ранее, приведет к существенному увеличению объемов и повышению уровня экономической эффективности аграрного производства, что, в свою очередь, обусловит соответствующее расширение налоговой базы и увеличение налоговых поступлений из сельского хозяйства и всего агропромышленного комплекса в государственный бюджет.

Отсюда, конечно, вовсе не следует, что экономическая целесообразность перехода на эквивалентный товарообмен между сельским хозяйством и промышленностью с точки зрения госбюджетной эффективности столь очевидна, что не требует никаких дополнительных обоснований. Совсем наоборот, прежде чем приступить к непосредственному проведению конкретных практических мер по его претворению в жизнь, предстоит провести детальные повариантные расчеты по взаимоувязке во времени и размерах дополнительных ассигнований из государственного бюджета и экономии на его расходах, которые будут иметь место при реализации различных возможных вариантов решения рассматриваемой задачи. Иначе можно создать серьезные трудности с исполнением государственного бюджета, способные дискредитировать саму, бесспорно, плодотворную идею эквивалентного товарообмена между аграрной и промышленной сферами национальной экономики.

Нередко, прежде всего со стороны адептов промышленности, можно услышать и такое возражение против безотлагательного введения паритета цен на промышленные и сельскохозяйственные товары: «Наша отечественная промышленность пока не готова к этому, на данный момент времени она просто не в состоянии обходиться без донорства со стороны аграрной отрасли. Поэтому прежде чем вводить паритет цен, надо вначале кардинально реструктурировать отечественный промышленный комплекс и на этой основе радикально повысить экономическую эффективность его функционирования».

Возможно, и в этих суждениях есть какой-то смысл. Только остается неясным: а захотят ли руководители промышленности кардинально реструктурировать ее, зная, что подчиненная им отрасль после этого непременно лишится столь желанного для нее донорства? Не станут ли они во имя его сохранения до скону века тянуть с кардинальной реструктуризацией промышленного комплекса, оставаясь в привычной для них обстановке? И почему, собственно говоря, сельское хозяйство, находясь в гораздо худшем финансово-экономическом положении, должно продолжать спонсировать промышленность, а занятые в нем работники, получая за свой труд на 30–40% меньше, чем работники промышленности, и живя в гораздо худших жилищных и культурно-бытовых условиях, должны брать на себя их трудности? Разве жители села, занятые в сельском хозяйстве, не такие же, как горожане, работающие на промышленных предприятиях, граждане Республики Беларусь? Разве они не должны иметь равные с ними условия труда, быта и отдыха?

Все эти вопросы, безусловно, требуют обстоятельного, вразумительного ответа. Тем не менее априори можно предположить, что какая-то временная отсрочка с введением паритета цен на сельскохозяйственные и промышленные товары все же нужна. Хотя бы только для того, чтобы руководители промышленности смогли за это время свыкнуться с мыслью, что донорство сельского хозяйства для них безвозвратно ушло в прошлое, и заранее предпринять первоочередные меры, позволяющие несколько ослабить негативное влияние перехода на эквивалентный товарообмен на

текущую результативность промышленного производства. Однако эта отсрочка должна быть четко регламентирована с тем, чтобы из временной она не могла превратиться в постоянную.

В конце концов, не столь уж и важно, с какого конкретно года наше сельское хозяйство и промышленность перейдут на эквивалентный товарообмен – с 2011-го, 2012-го или с 2013-го. Главное – чтобы наше общество и прежде всего политические и государственные деятели, ответственные за социально-экономическое развитие страны, осознали жизненную необходимость этого перехода и прониклись твердой решимостью совершить его в возможно более ранние сроки, пока еще сельское хозяйство окончательно не обескровлено и сохраняет в себе необходимые предпосылки для своего возрождения на качественно новой технико-технологической и организационно-экономической основе.

Литература

1. Буздалов, И. Сельское хозяйство в тисках монопольного окружения и структурных деформаций в экономике / И. Буздалов // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2009. – № 5. – С. 3–10.
2. Буздалов, И. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики / И. Буздалов // Вопросы экономики. – 2009. – № 10. – С. 121–130.
3. Комплекс мер по повышению эффективности сельскохозяйственного производства в контексте выполнения Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы / под ред. В. Г. Гусакова. – Минск, 2008. – С. 255.
4. Лыч, Г. Обеспечение ценового паритета как первооснова устойчивого развития агропромышленного комплекса / Г. Лыч // Развитие АПК в контексте обеспечения продовольственной безопасности: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 сент. 2010 г. – Минск, 2011. – С. 131–135.
5. Саблук, П. Активизация экономических реформ в аграрном секторе экономики Украины / П. Саблук // Развитие АПК в контексте обеспечения продовольственной безопасности: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 сент. 2010 г. – Минск, 2011. – С. 198–201.

G. M. LYCH

GOVERNMENT SUPPORT OF AGRICULTURE: RADICAL ALTERATIONS ARE NECESSARY

Summary

The paper presents the drawbacks of the government support of agriculture and its negative consequences. In this connection the necessity and main directions of the improvement of the government support of agriculture are substantiated. Proposed is the transfer to the equivalent commodity exchange between agriculture and industry due to observing price parity of industrial and agricultural goods. The arguments to substantiate the practicality of this measure are stated.